

Константин Ежов

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Е41

Серия «Попаданец»
Выпуск 55

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Е41 Ежов, Константин Владимирович

Время перемен: роман / Константин Ежов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-112010-8

Чтобы немного отвлечься от неудач в жизни и осенней хандры, тридцатилетний Кирилл в день своего рождения едет на рыбалку. Парень еще не знает, что случайная встреча со странным рыбаком полностью изменит его судьбу, на которую он так неосторожно пожаловался. Побеседовав с Петром Назаровичем и решив искупаться в холодной воде, Кирилл начинает тонуть, а очнется он совсем на другом берегу, в другом времени, в другом теле — в теле малолетнего царевича Ивана, сына властной Елены Глинской. Теперь он со всех сторон окружен хитрыми боярами и преданными царскими няньками, без которых шагу нельзя ступить, но природная любознательность и жажда великих свершений не дает покоя...

Станет ли этот «мальчик», обладающий внушительным багажом знаний взрослого человека из XXI века, тем самым Иваном Грозным, известным своей жестокостью? Покажет время!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-112010-8

© Константин Ежов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Был солнечный теплый день пятого сентября. Вчера был мой день рождения. Вот мне уже и тридцать. Только грустна моя жизнь. Хочется чего-то такого немислимого, а есть лишь обычные тягучие и заполненные всякой мелочью дни. Даже вот не женат. Да и где найти хорошую и красивую жену? Вокруг только красивые стервы или хорошие и добрые, но страшные.

И вот я решил пару дней после дня рождения не выходить на работу и взял отгулы. С утра показалось хорошей идеей взять палатку и всяких продуктов да выехать с ночевкой на реку. Сижу теперь как дурак. И смакогон греется, и шашлыки стынют, а не тянет пить. Думал так: нажрусь как свинья, и отступит эта серая и унылая реальность. Нет, не подумайте, я не пьяница! Просто муторно на душе. Вот и сижу на раскладном стуле перед таким же столом.

На столе стоит запотевший стопарик чистейшей, как слеза, пока еще холодной, самогоночки, шашлычок на шампуре и огурчик свежий порезан, и помидорчик. Рядом речка и тишина. Картина должна бы радовать, ан нет.

Душа бунтует и противится: як тако возможно — пить одному, как последнему забулдыжнику! Душа требует общения. Ну где ей найти напарника? Негде.

Но зря я так думал. Буквально тут же на берегу нарисовался такой колоритный дедок с удочкой,

с огромной, но аккуратно ухоженной бородой, се-ребристой от седины. Идет себе не спеша по берегу. А я тут, понимаешь, погибаю уже!

— Извините, что спрашиваю, — только и успел сказать.

— Да ты не извиняйся, милоч, лучше говори.

— Э... Уважаемый.

— Ежели ты ко мне с уважением, так я завсегда рад помочь. Меня, кстати, Петром кличут.

— Э... Петр, вы о чем?

— Я про то, что пора уже наливать, а не лясы точить.

— А почему вы решили, что я вас приглашу?

— Я же вижу, ты человек с понятием. Вона как поляну накрыл, а сидишь один. По всему видно, не алкаш какой-то, да и на бомжа не похож. Значит, что?

— Что?

— Напарник тебе нужен, для беседы душевной.

— Ну, Петр, не знаю, как по батюшке вас, ну, удивили. Присаживайтесь. С таким мудрым собеседником и поговорить не грех, ну и выпить заодно. Меня Кириллом зовут.

— Назарович я по батюшке. Наливай и мне. Хлопнем по рюмашечке.

Я не заставил себя ждать. Достал второй стопарик, да и налил по рубчик. В компании масть пошла, и хорошо пошла.

Помолчали мы маленько, да и повторили, а затем уж и разговор пошел.

— Вот смотрю я на тебя, Кирилл, и удивляюсь. Почему такой молодой здоровый, и здесь один и оказался?

— Да, понимаете, Петр Назарович, устал от будничной серости. А хочется сделать великое.

— Да надо ли тебе это великое? Вон, смотрю, кольца на руке нет. Лучше бы женился, детишек завел.

— Не встретил пока своей половинки. Хочется вот влюбиться, чтоб раз и навсегда. Да вот не сподобился.

— Ну а друзья как же?

— А что друзья? Друзья, как известно, познаются в беде. Вот и случилась однажды в моей жизни беда... Одним словом, нет у меня человека, которого я с чистой совестью назвал бы другом.

— Да... Эк тебя жизнь-то потрепала! А вот придут к тебе приключения и великое, не спужашся?

— Да я, бать, не из робкого десятка, только где оно немыслимое.

— Все-то вам, молодым, весь мир перевернуть. Нет чтобы подумать! Если очень хочешь, может, что и исполнится. Ладно, бывай.

Я и не заметил, как за степенным разговором заведло. Хотя и выпили мы на двоих немного, но меня на солнце совсем развезло. Чтобы хоть как-то освежиться и развеять хмель, решил искупнуться.

Прямо с берега и нырнул в реку щучкой. Вода неожиданно оказалась обжигающе ледяной. Все тело охватила судорога, и я бессильно стал тонуть. Хуже всего было то, что был на берегу-то один, и спасти меня просто было некому. Если и хватятся меня, то только завтра.

На какое-то мгновение я потерял сознание. Оно вернулось ко мне, когда в легкие попала вода, и мою грудь от этого стало буквально разрывать. Вдруг чьи-то сильные руки схватили меня и потащили наверх.

«Это, наверное, Петр Назарович вернулся».

Сколько же радости было от этой мысли — от мысли, что хоть кому-то на этом свете, хоть чуть-чуть еще нужен! Как же блаженен был вдох, который я сделал, когда меня вытащили на поверхность!

Глава 1

Тащил меня какой-то бородатый мужик огромного роста. Что за путешествие Гулливера в России? Почему он такой гигантский? Таких же не бывает! Я где вообще? Попытался извернуться и посмотреть на берег. Это удалось, отчего мне поплохело... Это был чужой берег. Где палатка? Кто сожрал шашлык?!

В этот момент я увидел березы. Самые обыкновенные березы. Вот тогда до меня дошло. Это не мужик был большой, а я маленький. Более того, я был трезв. «Прочистил мозги, называется», — пронеслась мысль.

По берегу бегала куча народу. Какой-то мужик причитал. Бабы так вообще голосили. Вся эта толпа хаотично передвигалась из стороны в сторону. Я видел, как мужику, вытаскивающему меня, дают какие-то советы. По-каковски говорят, было не понятно.

Чьи-то сильные руки подхватили и вытащили. Меня начало колотить. Тут же кто-то стал укутывать, но все равно зуб на зуб не попадал.

«Господи, да где же я? Куда меня занесло? Кто это вокруг? Почему я маленький?!»

Я попытался спросить, но из уст вырвался только вопль. Тут-то и упала адреналиновая волна. В глазах потемнело, и я провалился в краткое забвение.

Когда же очнулся, мы уже куда-то ехали. Я толком не мог даже пошевелиться. Все мои рефлексy были рефлексами взрослого человека. Управлять же мне нужно было детским телом. По этой же причине не

получалось толком говорить. От бессилия я разревелся, как сопливый мальчишка, кем, собственно, и был.

Плачь не плачь, а мысль о том, что надо все-таки определиться, где нахожусь, помогла собраться. Да и собственно, кем я стал? Сколько же мне лет?

Стал прислушиваться к разговору. Редкие фразы были отдаленно похожи на русский. «Точно, это же русский! Только старый», — понял я. Это в какие же времена так говорили? Лингвистом я не был и не мог догадаться по речи, в какое время меня занесло. Может, это сектанты какие, а время наше? Тогда почему я маленький?

Мы въехали в какую-то деревушку. Окружающие назвали ее почему-то Москва. Гонят, наверное. Что я, в Москве не был? А может, это и правда Москва, только старая — ну, до того... до чего, не смог придумать. Одно слово, запутался в своих мыслях!

«Должно же быть хоть что-то узнаваемое!» — с тоской подумал я.

Сначала мы преодолели ров с водой и проехали земляной вал. Было видно, что на месте земляного вала уже начали возводить кирпичные стены. Частично они даже его заменили. Странное зрелище. Новые укрепления уже строятся, а старые еще не снесены. Жизнь явно кипела в этом городе.

Что-то смутное забрезжило в памяти, когда я увидел крепость из красного кирпича. Чем-то она походила на московский Кремль, только вот башни были не остроконечные. Соответственно, не то что звезд не было, даже перспектив орлов не наблюдалось. Башни были покрыты простым деревянным шатром.

«Может, в какую параллельную реальность попал», — тут же подумал я. В пользу этой версии говорило отсутствие Красной площади. Там, где она вроде

должна была быть, был глубокий ров, заполненный водой. Попасть в эту крепость можно было только по подъемным мостам проездных башен.

Весь вид у крепости скорее был суровым, а не открытым, как у московского Кремля. Однако она не имела угрюмого вида, как многие европейские замки, благодаря своим новым храмам с блестящими главами и нарядным дворцовым палатам с пестрыми кровлями, живописно поднимавшимися за укреплениями.

Весь наш немаленький караван проследовал к каменным палатам. Из них выбежали еще люди, и поднялась безумная суета. Меня подхватили и куда-то потащили. Кто-то все время причитал, и наконец меня внесли в какие-то покои. Тут же появился какой-то мужчина, по виду иностранец, который стал ощупывать мое тело. «Что я ему, девка! Чего меня щупать!» — хотел возмутиться я, но только опять промычал что-то нечленораздельное. «Может, это доктор? Тогда ладно, пушай!» — с грустью подумал я.

По словам доктора, великий князь был здоров. Только слегка не в себе, но это пройдет, и он снова заговорит. Эх, мне бы его уверенность!

В палату ворвалась какая-то красивая и стройная женщина. Все вмиг перед нею расступились. Быстрым шагом приблизившись ко мне, она порывистым движением опустилась на колени и заглянула мне в глаза.

По-видимому, найдя в них то, что искала, крепко прижала меня к своей груди. Если вы помните ощущение от прикосновения своей матери, вы поймете, что я испытал в тот момент. Это была она, моя *мама*. Я расплакался от охватившего меня счастья.

В последующие дни я наконец узнал, кем оказался. Моей матерью была Елена Глинская, а я, соответ-

ственно, был ее сыном, и звали меня Иван, *Иван IV*, но еще далеко не Грозный, а совсем еще ребенок, пяти лет от роду. Попал я в этот мир 26 августа 1535 года от Рождества Христова по юлианскому календарю. Мы с будущим царем родились в один день, подозреваю, что и в один час, только через столетия.

Ох, Петр! Ох, Назаров сын... Чужало мое сердце неладное еще тогда! Не обошлось здесь без него. Только вот беда — что я мог теперь сделать? Ведь сам просил немыслимое! Ведь сам хотел свершить великое! Получите и распишитесь...

Думал ли, что так случится, когда трепался языком? Будьте бдительны! Если вдруг встретите этого проходимца, передайте привет ему от теперь уже Ивана, сына Василия. Эх, да погорячей бы, но уж как можете!

Город был действительно Москвой, но как же она не походила на ту, которую знал!

Интересно, я оказался в прошлом своей страны или все-таки в другом мире? Кто бы мне сказал...

С одной стороны, конечно, мне повезло. Сильно ли вы обратите внимание на поведение пятилетнего ребенка? Тут еще на детский испуг можно списать все несуразности. Даже то, что мне пришлось почти заново учиться ходить, привыкать говорить по-здешнему...

Больше всего проблем доставляло то, что я поначалу никого не знал. А правила поведения вообще были как темный лес.

По мере того, как начинал помаленьку общаться, все больше узнавал про окружающий мир. Понятно, что меня всерьез не воспринимали, но если чего спрашивал, рассказывали. Поначалу, правда, больше сочувственно поглядывали. А, вот, заговорил и вроде как ничего.

Больше всего доставали всякие мамки и опекуны. Нигде от них покоя не было. Хотелось побегать и поиграть. Фигушки! «Великому князю неместно сие поведение»... Тьфу! Ну какое тут детство?

Хуже всего, когда опекунам просто лень куда-нибудь идти. Тысячу причин придумают, почему мне это нельзя. Гады!

Как бы не ставили палки в колеса, я узнавал много всего интересного. Сколько же про Кремль выяснил! Оказывается, укрепляя Кремль, итальянские зодчие использовали и весь опыт римских фортификаторов. Стены и башни располагались по заветам хитроумного Витрувия: «Надо, чтобы башни прерывали ход по стенам; если неприятель завладеет одной частью стены, остальные были бы от него отрезаны». Каждая башня являлась самостоятельной крепостью: отняв приставную лестницу, гарнизон наглухо замыкался в каменной ограде, но в случае необходимости мог скрыться потайными ходами. Круглые башни, если их заполнить землей, оказывали громадное сопротивление снарядам. Кроме того, у них нельзя было разрушить углы, как в квадратных башнях.

А вот о том, что иностранные «муроли» (архитекторы), прежде чем приступить к работам, должны были поехать по другим городам, чтобы познакомиться с русским зодчеством, я и не догадывался.

Китай-город называли так не потому, что там китайцев много жило, и к Китаю он никакого отношения не имел: ведь в давние времена это государство именовалось Катай (степи Монголии, северный Китай) или Чина (современный Южный Китай).

Название района происходило от старого слова «кита», то есть вязка жердей, которые применялись

при постройке укреплений, вот так-то. Тот самый земляной вал, а я-то думал!

Вообще, вся оборона Москвы опиралась на московский Кремль. Он представлял собой систему надежных и сильно вооруженных башен, контролирующих окружающее пространство. Стены идут с небольшим изломом, башни же несколько выдвинуты вперед. Благодаря этому с каждой стрельницы во время осадного боя можно было наблюдать за положением на соседних башнях и своевременно оказывать им помощь.

Внутри башни были разделены сводами и деревянными настилами на несколько ярусов и имели хитро расположенные друг над другом амбразуры. Приспособленные для верхнего, среднего и нижнего боя, они располагались так, что никто не мог укрыться, притаившись у стены, или скрытно подобраться к ней. Сверх того были устроены и навесные бойницы, а наверху башни заканчивались боевыми площадками, прикрытыми деревянными навесами, что придавало им еще более суровый вид.

Под стенами, башнями, храмами и другими постройками нового Кремля были устроены подземные ходы и водоемы, сводчатые погреба и кладовые для хранения пороха, оружия и других запасов.

Загадка исчезновения Красной площади разрешилась еще проще. Ее еще не построили! Не было и собора Василия Блаженного. Его я как-то еще не успел построить. Вот мать его ити! И как быть? Строить мне его или нет? Красивый, зараза! Построю, однако, — как вырасту, конечно.

Когда в Кремле завершились каменные работы, в 1508 году итальянский мастер Алевиз Фрязин поднял шлюз на реке Неглинной, и бурный поток напол-

нил ров, прорезавший всю будущую Красную площадь, не названную еще даже Пожаром, от Неглинной до Москвы-реки. Кремль, окруженный с трех сторон водной преградой (Москва-река, Неглинная и ров на пустыре, часть которого в дальнейшем назовут Красной площадью), стал возвышаться как неприступный замок на острове.

Вот через этот ров мы и переезжали, чтобы попасть в Кремль. Вид, кстати, был весьма живописный. Может, устроить Красную площадь так, чтобы сохранить ров? Вот не было печали!

Строящуюся стену, которую мы наблюдали, начали строить этой весной. 16 мая 1535 года состоялась торжественная закладка ее из камня, причем первый камень в фундамент заложил митрополит Даниил. Строительством стены руководил итальянец Петрок Малый Фрязин, который возводил ее по последнему слову тогдашней фортификационной науки, с учетом развившейся артиллерии, что особо бросается в глаза при сравнении с кремлевскими укреплениями: стены Китай-города были ниже, но зато толще, с площадками, рассчитанными на орудийные лафеты.

Эта стена должна была заменить старые укрепления и стать оградой Китай-города. Собственно, предыдущие были сооружены весной 1534 года, причем в работе участвовали все москвичи, кроме наиболее знатных и видных.

Они в свою очередь заменили обветшавшие и ограждавшие меньшую площадь укрепления, сооруженные в 1394 году, когда в ожидании нашествия Тамерлана вокруг посада стали спешно рыть ров по линии нынешних Большого — Черкасского — Владимирского — Псковского переулков. На протяжении более чем столетия он был единственной защитой посада.

Остальная Москва представляла собой довольно жалкое зрелище. Сплошь деревянная, она постоянно страдала от пожаров и вновь отстраивалась.

Я не был историком и поэтому не мог понять, было ли это в моей истории. По мне так это не важно. Здесь и сейчас вершилась история, то, каким быть государству Российскому.

На самом деле Иван Грозный наделал делов. Хотя, по большому счету, только Ливонская война была ошибкой. Вернее, не сама война, а наши военные амбиции.

Получалось, что мне нужно было оказаться по крайней мере не хуже него. Эх, руки зачесались! Ух я им! Но пока мне — несется отовсюду — невместно такое. Да что же это! Как от этих всех няnek избавиться, ну или хотя бы сократить их число?

Вот в Кремль возвращаться никогда не хотелось. Атмосфера интриг и подковерной борьбы бойцовских бульдогов, там не выветривалась. Борьба за власть не прекращалась ни на минуту. Схватки возникали по любому поводу, даже по самому незначительному. Никто не хотел уступать.

Ладно бы в открытую ругались, ан нет. Все чинно и степенно, а посмотришь, да перекрестишься. Потом, чисто для пользы для, прихватишь ножичек. Вдруг сподобится ближнему своему поднять содержание железа в крови, ножичком в спину.

Вот так степенно, за учебой, в атмосфере постоянных интриг и прошел еще год. Был уже 1536 год. Сегодня мне исполнилось шесть лет. Бездеятельность угнетала. Нужно было что-то делать с этим. Как же хотелось хоть каплю самостоятельности! В Москве ее не дадут. Тут я вообще аргумент в борьбе за власть. Причем все думают, что именно они знают, что для